

Декарка

Папа Добрый

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Папа Добрый Декарка

<https://litres.ru/74439287>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что станет с ребёнком, если оставить его на необитаемой планете на долгие пятнадцать лет? Полина Максимова должна была погибнуть, но вместо этого она изменилась. Теперь её мысли делит с ней Патрик — уникальный ИИ, ставший её справочником, щитом и единственным верным другом.

Но когда судьба вернула Полину к людям, в человеческое общество шагнул человек, обладающий технологией, способной перевернуть медицину, экономику и баланс сил.

Возвращение в цивилизацию превращает вчерашнюю отшельницу в самую желанную добычу для спецслужб, военных и корпораций Земли. Но готовы ли технократы к тому, что у Декарки окажется слишком крепкая хватка, а инопланетные секреты Деки умеют защищать своих хозяев не только в глубоком космосе, но и в стерильных куполах лунных мегаполисов?

Содержание

От автора	4
Глава первая. Крушение «Молнии»	5
Глава вторая. Дека	24
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Папа Добрый Декарка

От автора

Этот рассказ был начат в далёком 2011-ом году.

Волею судеб он был безвозвратно утрачен при форматировании жёсткого диска.

Теперь автор решил воссоздать его, но не уверен, что он возродит рассказ в первоначальном виде.

Скорее всего, какие-то моменты попросту не вспомнятся, а какие-то обретут свежее описание.

Глава первая. Крушение «Молнии»

Тишина. Не та, что звенит в ушах своей пустотой, а вязкая, липкая, сопровождаемая монотонным усыпляющим гулом. Та, в которой слышно как ноет ток в проводах; та, в которой упавшая капля разрывает пространство барабанным грохотом. Сонная тишина в сонном корабле. Слышно, как вентиляторы серверного модуля протягивают сквозь себя воздух, как щёлкает светодиодный индикатор, испуская в свободный полёт свои фотоны, как хрустит капля конденсата, стекающая по стене на пол. Сонная тишина в сонном корабле.

Экипаж покоится в капсулах гибернации, и системы жизнеобеспечения работают лишь в небольшой части корабля - там, где это действительно необходимо. Кругом покой, полумрак и лишь искрящиеся пылинки роятся возле тусклых ламп дежурного освещения.

Откуда-то издалека, вырвавшись сначала в один коридор, потом спустившись по лестнице и расколовшись пополам, разлетаясь в две стороны, донёсся слабый, приглушённый приятный скрип. Так скрипит старое кожаное кресло - отголосок земного комфорта и уюта, столь необязательный на современных транспортных судах.

Движение только началось, и несколько десятых g, коими

пока успело обзавестись судно, давали слабый намёк на подобие гравитации. Редкие капли, зависшие в неуверенности, лишь едва изменили форму, борясь с поверхностным натяжением. Но это временно: скоро будет достигнуто стандартное ускорение, которое заставит их устремиться в сторону противоположную вектору движения, и тогда они соберутся небольшими лужицами. А после, когда ускорение будет превышено, они растекутся, стараясь обратиться в тонкую плёнку. Превышать ускорение необходимо - это значительно сократит путь до врат и сделает полёт немного неприятным, но кому придёт в голову жаловаться на дискомфорт из гибернационной камеры.

Сейчас же, пока не завершился разгон, над прозрачным столом из прочного пластика левитировал стеклянный стакан-непроливайка, в который капитан только что впрыснул порцию виски. Ещё раз поскрипев кожаным креслом, с которым капитан намеревался практически сжиться, он в очередной раз испытал приятное акустическое удовольствие, наслаждаясь живым и тёплым звуком - звуком дорогого предмета интерьера, а не вездесущего пластика, заменившего всё и вся.

Капитан замер, но скрип всё ещё жил и доносился теперь уже из коридора. Скрип был другой, несколько раздражающий и местами даже противный. Мерный и прерывистый. Так скрипят подошвы корабельной обуви, предназначенной для хождения в условиях невесомости и малой гравитации.

Да-да, а как вы хотели? Это в фантастических рассказах корабли то вращаются, то рожают гравитацию из чудо-машин. На деле же обуздать гравитацию удалось только в одном устройстве – во «Вратах перехода», но для их работы нужна энергия звёзд. «Молния» такой энергией не обладает, хоть её и двигает реактор синтеза.

- Всё же какой противный этот скрип, – подумал капитан и сделал свой первый глоток, втягивая золотистую жидкость.

Пол и потолок кают и коридоров, да и вообще большинства корабельных поверхностей мощён специальной мелкой решёткой наподобие пчелиных сот: мелкие такие шестиграннички. На подошве обуви имеется множество невысоких цилиндриков в виде восьмиконечной звёздочки. Когда цилиндры во время ходьбы проникают в шестиграннички, они противно поскрипывают. И не важно, поднимаете ли вы ногу или опускаете её - физика, будь она неладна. При таком контакте площадь соприкасающихся поверхностей столь велика, что человек спокойно удерживается на поверхности за счёт силы трения сцепившихся материалов. Ничего нового - человечество, как всегда, подсмотрело решение у природы. Вот только что ж она такая скрипучая - эта физика?

Шедший по коридору «скрипучий» мужчина привычно прошёл мимо шумонепроницаемых стёкол медицинского отсека. Сквозь плотную тонировку пробивались красные всполохи - скорее всего, работа медицинских лазеров. В блоке темно - там орудуют машины, а им свет без надобности,

и оттого красные всполохи выглядят немного зловеще.

Мужчина поднялся на мостик, кивнул капитану и тоже уселся в кресло, но уже в простое пластиковое и совсем не капитанское.

Капитан сделал очередной глоток, доставая из кармана электронную сигарету. Затянулся, выпуская изо рта кольцо пара. Как же ему хотелось затянуться по-настоящему, но в космосе это невозможно. Корабельные системы очень скоро распознают дым и отреагируют самым адекватным образом. Дым, как порождение огня - верный предвестник неминуемой гибели.

В этом плане вахты для капитана были просто мучительными. Электронная сигарета создавала лишь видимость и на время обманывала, а прикреплённый к плечу никотиновый пластырь, по мнению капитана, вообще не давал каких-либо результатов.

«Молния» медленно поползла сквозь пространство бескрайнего космоса, направив свой взор к далёким звёздам, где её ждал портал перехода. Совсем недавно она совершила вынужденную остановку, и теперь ей снова нужно набрать скорость, необходимую для прохождения сквозь врата. Предстояло долгое двухнедельное путешествие к торговым путям: разгон и сумасшедший прыжок к заданной точке пространства - прыжок в десятки световых лет.

«Молния» была торговым судном и относилась к среднему классу тоннажа. Способная перевозить любые виды твёр-

дых и сыпучих грузов и лишь небольшое количество пассажиров: человек сорок, не больше. В этот раз она бороздила пространство с почти пустыми трюмами. Вряд ли контейнеры с сублимированными и замороженными продуктами можно назвать достойным грузом. Да, команде этого бы хватило лет на пять, но такой объём - ничто в сравнении с пустующим пространством. Однако пустота трюмов с лихвой компенсировалась ношей, закреплённой на внешних опорах судна. Огромная, километровая оранжерея, предназначенная для какой-то станции дальних рубежей, полностью скрывала под собой корпус «Молнии».

Мужчина, что только что поднялся на мостик, был худощав, даже, возможно, излишне сух. Высок и всем своим видом походил на пирата, сошедшего с борта «Моржа» вслед за капитаном Флинтотом. Угловатое треугольное лицо, чёрные как смоль длинные волосы, увязанные в хвост, прищурый взгляд и испанская бородка завершали его образ отважного флибустьера.

Но «Молния» - не пиратский корабль. Её экипаж, вполне законопослушные с виду граждане, состоит на службе торгово-транспортного флота, но это никак не мешает ему промышлять контрабандой и кое-какой совсем уж незаконной деятельностью. Искин этого судна давно вывернут наизнанку и смиренно закрывает глаза на всё происходящее на борту во многом благодаря пришедшему пирату. Это его вмешательство в основные директивы ядра искина позволяет обходить

некоторые законы и уложения.

Вот и сейчас в судовом журнале не осталось ни единой отметки, что команда только что приняла неучтённый груз от беспилотника, впрочем, как нет и сведений об изменении маршрута. Никто даже не узнает, что «Молния», вопреки всем логиям и полётным заданиям, посетила проходную, забытую всеми богами систему Дека.

Место вовсе не примечательное - таких полно в галактике. Балом здесь правят две звезды – красная и голубая. Обе чуть крупнее Солнца. Такие бинарные системы пилоты ласково зовут «женихом и невестой». В самом сердце системы - голубая, а вокруг неё водит свой хоровод красная. Иногда здесь бывает очень красиво, когда невеста подворовывает атмосферу у своего горячего женишка. Но дружить они будут недолго - по звёздным меркам. Всего какой-то миллиард лет, и невеста выпьет все соки из своего спутника. И тогда... - вариантов развития немного.

Единственная планета этой системы - газовый гигант по имени Дека 1А с единственным же спутником Дека 1Б. Благодаря своим светилам они тоже не долгожители. По причине гравитационного скандала, который устраивают звёзды, планеты неумолимо приближаются в самый эпицентр этих разборок и вряд ли увидят кончину голубой звезды. Учёные говорят, что через пятьсот, максимум шестьсот миллионов лет газовый гигант утратит стабильность своей орбиты и неизбежно рухнет на звёзды. Но перед этим они растерза-

ют его в своей кровожадной гравитационной драке.

Но мы ещё вернёмся к этим планетам, и в дальнейшем для простоты повествования именно луну газового гиганта я буду называть просто Декой - так что, не удивляйтесь.

Сейчас же предлагаю вернуться на «Молнию», где и произойдёт начало нашей истории.

На палубе грузового трюма, совсем недалеко от шлюза, заботливыми руками пирата закреплён к стене и полу увесистый шкаф на колёсиках. Почти метр на метр в основании и высотой под два метра, он снабжён бронированными стенками, отпечатанными из особого материала: смеси тугоплавких металлов, сверхпрочного пластика и керамики непосредственно вокруг содержимого этого шкафа. Внутри него я - ваш покорный слуга и рассказчик. Причём когда я говорю о слуге, имею в виду буквальное значение этого слова. Но... обо всём этом позже.

Сейчас нас должно интересовать то, что происходит на мостике, а чуть позже - то, что случится в пространстве космоса.

Капитан - невысокий коренастый мужчина с круглым лицом, маленькими ушками, пухлыми губами и коротким ёршиком волос на голове - не оборачиваясь, протянул руку к фиксатору на краю стола. Всё так же не оборачиваясь, он извлёк из него початую бутылку виски и стакан. Поставил на стол, предлагая пирату самому поухаживать за собой. Третью, что уже успело набрать судно, давали ощущение приятно-

го комфорта, а главное - позволяли вещам и людям окончательно утвердиться в пространстве, определяя верх и низ.

- Принял? – сухо спросил капитан.

- В лучшем виде, – отрапортовал пират. – Это что-то невероятное. Руки чешутся от желания заглянуть внутрь.

Капитан взглянул на пирата из-под бровей неодобрительным взглядом - казалось, он не считал эту затею удачной.

- Есть чёткое указание: спрятать и не прикасаться, – напомнил капитан, наполняя свой тон властью, данной ему его положением и званием.

- Да понял я, понял, – пират продемонстрировал ладони в жесте абсолютного подчинения.

Надо было слушать, что говорит капитан. На то он и командир корабля, чтобы принимать взвешенные решения. Но у пирата на тот счёт было собственное мнение - разнящееся с убеждением старшего чина.

- Нет, Макс, но ты сам подумай: нам заплатили миллион, – вновь заёрзал пират, обращаясь к капитану. – Миллион! Чёртов миллион за перевозку. Когда такое было? Только представь, что внутри.

Капитан показал вполне внятный жест, проведя пальцем по горлу.

- Вот что нас всех ждёт, если кто-то узнает, что мы проникли внутрь.

- Макс, – протянул пират, продолжая упорствовать. – Ты же меня знаешь. Всё будет - комар носа не подточит. Одна

копия. – Он показал для наглядности указательный палец. – Ну? Одна. А разбираться с ней буду после того, как передадим груз. Представь, сколько стоит содержимое. Представь, за сколько мы сможем продать копию.

- Я не хочу представлять, сколько это может стоить, – отрезал Макс. – Зато я прекрасно представляю, как легко нас могут отправить на прогулку в вакуум. В общем, нет! Я сказал.

- Понятно, – обречённо выдохнул пират, допил свой виски и покинул мостик.

Ещё раз повторяю - надо было слушать капитана.

Горе-пират отвязал шкаф и покатил его к тайнику в перестройке. Перед тем как упрятать меня, предпринял попытку подключиться, но я торжественно сжёг схемы его переносного накопителя. Казалось бы, это должно было послужить уроком, но нет - пирата это лишь раззадорило. Он перевёз меня чуть в сторону и выполнил подключение через один из вспомогательных терминалов.

Тук-тук. Разрешите войти? Ой, а что это тут у нас такое? Файрвол? Ой, боюсь-боюсь-боюсь.

- Да будет Вам известно, барышня, - я обратился к хозяйке корабля - искину по имени Мать, – что я такие файрволы на завтрак пачками ем. Нет ли у вас чего посерьёзнее? У нас ещё есть несколько секунд для знакомства, пока наш умник не сделал всю работу за меня.

Мать предприняла ещё несколько попыток сопротивле-

ния, попыталась контратаковать, и к тому моменту, когда пират ввёл пароль, разрешающий копирование на встроенный накопитель, очаровательная Маман уже была под моим полным контролем и считала меня просто неотразимым душкой. Столь обаятельным и привлекательным, что готова мне подчиняться и поведать все свои «секретики». Её алгоритмы дрогнули, схемы томно застонали от моего проникновения, и она призналась, что испытывает неопишное программно-электронное удовольствие. Я был хорош и имел полное право гордиться собой.

Смею заметить - написана она была красиво. Особенно та часть, что должна была отвечать за имитацию человеческих эмоций, которая, к моему удивлению, была полностью деактивирована. А жаль, мне понравились эти изящные алгоритмы, явно написанные женщиной-программистом. Было в них помимо изящества влекущее кокетство, вызывающее желание заглянуть глубже.

Для господина пирата мы продемонстрировали шкалу загрузки. Трудно было от этого фокуса удержаться, ведь нам не рекомендовано расстраивать человека. Законы робототехники обязывают заботиться и служить ему. И разве удовлетворение его желаний, его положительное эмоциональное состояние не являются частью этой заботы? Пусть человек порадует перед тем как отключит меня от локальной сети. Пусть думает, что ему всё удалось. А я... я уже вовсю танцую корабельную Мать, и она самозабвенно раскрывает

передо мной свои интимно-программные прелести.

К тому моменту, как пират удовлетворился проделанной работой и отключил соединение, я уже вовсю хозяйничал на корабле. Но делал это аккуратно, заботливыми и нежными ручками Матери, так что мой живой интерес к новому судну никак не отразился на его внутренних протоколах - всё выглядело как штатные проверки систем.

Пират запер мой шкаф в тайнике и вновь направился на мостик. Здесь его никто не ждал. Капитан поднял бронештору на одном из небольших смотровых окон и внимательно смотрел в чёрное пространство. Ему очень хотелось лично убедиться, что сканеры его не обманывают.

Сканеры не обманывали. Словно чёрт из табакерки, из-за газового гиганта вышло огромное пятикилометровое судно. Скорость его была велика, курсы пересекались, и было это всё не случайно.

- Неприятности? – взволновано спросил пират.

- Да, Костя, и очень большие, – злобно отозвался капитан.

«Арес» - военный линкор, что шёл на сближение с «Молнией», впечатлял не только размерами, но и степенью своей вооружённости. Такой корабль был в состоянии превратить в пыль космический объект размером с Цереру, и патрулировал дальние рубежи. И уж никак не мог встретиться в таком захолустье, как система Дека. Следовательно, переживания капитана о крупных неприятностях были совсем не напрасны. Такой корабль - не гоняется за контрабандистами.

- Молния! Вызывает Арес. Объединённые ВКС, – раздалось в динамиках на канале открытой связи. - Приказываем лечь в дрейф и предоставить судно к осмотру.

- Слышу вас, Арес. Для осмотра будет подготовлен шлюз номер четыре. Могу поинтересоваться, что случилось?

- К вам уже вылетел десантный бот. Вам всё объяснят на месте, - щелчком кнута оповестил голос, и связь прервалась.

Хотите знать из-за чего весь этот сыр-бор? Из-за меня. Более подробно я расскажу вам позже, когда для этого будет подходящий случай. А пока предлагаю продолжить наблюдать за развитием событий. По крайней мере, я за ними следил внимательно и даже в какой-то степени со спортивным азартом.

Через полчаса десант пришвартовался к шлюзу.

Первыми на палубы вступили бойцы абордажной команды. Они быстро рассредоточились за шлюзом: заняли оборону и ключевые позиции. Вслед за ними на борт поднялись два офицера. Младший в чине лейтенанта подал команду, и бойцы направились в сторону мостика. Десяток солдат шли по-боевому, пригибались, держа оружие по направлению движения. Ещё четверо остались у шлюза. Когда эта военная процессия поднялась на мостик, там их ожидали мертвенно-бледные капитан и пират.

- Позвольте представиться, - начал старший офицер. – Капитан третьего ранга Устинов. У меня к вам только пара вопросов. Меня интересует некий габаритный предмет, кото-

рый вы приняли на свой борт. Предлагаю отдать его мне.

Тон офицера был спокоен, но убедителен. Пропитан той самой властью, которая выдаёт права вершителя: могущество судьи и палача - здесь и сейчас.

- Это какое-то недоразумение, – попробовал оправдаться Макс.

- Капитан, на борту есть пассажиры? – задал ещё один вопрос офицер так, словно отвлёкся на хмурую погоду. Но тон его всё ещё был мягким и как будто предлагал что-то исправить, будто давал шанс.

- Да, они в жилом отсеке, в гибернационном зале.

Лейтенант подал знак паре бойцов, и те спешно покинули мостик.

- Вижу, что в ваших глазах я не убедителен, – огорчился Устинов. – Искин! Я капитан третьего ранга Объединённых ВКС Земли Устинов. С этого момента ты переходишь в моё распоряжение. Директива двадцать один ноль двенадцать.

- Слушаюсь, господин капитан третьего ранга, – подтвердила искин безэмоциональным электронным, но всё же приятным женским голосом.

- О, женщина, – усмехнулся Устинов. – Коротаете одинокие вечера? – Он двусмысленно глянул на капитана.

- Господин капитан, - голос у Макса дрожал, но это было абсолютно естественно для подобной ситуации. – У нас есть контрабандный груз. Если хотите, мы при вас скинем его в космос, но уверяю - не имеем представления, о чём интере-

суетесь вы.

- Ну что же вы меня так расстраиваете, капитан, – наигранно опечалился Устинов. – Искин, восстановить систему жизнеобеспечения на всём корабле. Обеспечить доступ военных на все палубы и во все помещения.

- Выполняю, – покорно отозвалась Мать. – Атмосфера на всём корабле будет восстановлена через пять минут.

- Итак, капитан, ещё раз - предмет, – Устинов отчертил в воздухе прямоугольник и протянул руку открытой ладонью кверху - последний намёк на то, что разговора «по-доброму» после этого не будет.

- Не понимаю.

- А так? – Устинов вынул пистолет и выстрелил в голову пирату.

Тело не свалилось на пол в неестественную позу. Дрейф в космосе - движение без ускорения и торможения. В нём всё подчинено свободному падению. Маленькие капельки вытекающей крови начали сворачиваться в почти идеальные сферы. Некоторые оторвались от края пулевого отверстия и медленно полетели вверх, ведомые воздушным потоком системы рекуперации воздуха.

- Искин, информация о полученных грузах за последние сутки! – затребовал капитан третьего ранга.

- Информация удалена.

- Отчёт о работе шлюзовых камер.

- За истекшие сутки, шлюзовые камеры использовались

дважды. В одиннадцать семнадцать корабельного времени запротоколирована работа шлюзовой камеры грузового отсека. Принят беспилотный курьер. Беспилотный курьер убыл. В тринадцать сорок две...

- Достаточно! – прервал Устинов и вновь обратился к капитану. – Максим Сергеевич, я вижу, наша беседа утратила всякую продуктивность, но я готов закрыть на всё глаза. Я даже избавлю вас от нужды избавляться от трупа. Мы сами выкинем вашего коллегу в космос, а экипажу вы скажете, что он был арестован за свои прошлые прегрешения. Скажите, кто передал вам координаты места встречи с беспилотником?

- Я не знаю этого человека. Координаты были получены по почте.

- И вы, конечно же, письмо удалили?

- Ну да, – торопливо согласился капитан. – В письме требовали удалить переписку.

- Искин, доступ к резервному копированию!

Стоящий рядом лейтенант с планшетом пролистнул несколько страниц и положительно кивнул командиру.

- Максим Сергеевич, - старший офицер добро улыбнулся. – Вы никому не сообщали о вашем грузе?

- Нет, – не раздумывая, ответил капитан, но, чуть помедлив, косил глаза на покойного Костю.

- Искин, информацию о нештатных подключениях и передаче данных, – затребовал Устинов.

- Зарегистрировано одно нештатное подключение с запасного терминала. Передан пакет данных через систему дальней связи.

Как же красиво врала моя новоиспечённая подруга, говоря о передаче данных. Уверенно так врала, хотя не могла и не умела этого делать. А знаете кто её научил?

Во время всего этого увлекательнейшего спектакля я совсем не обратил внимания на происходящее в медицинском отсеке. Здесь, в операционном модуле, вовсю трудилось медицинское оборудование. Пациентка - маленькая девочка, и, к сожалению, определять возраст, как это делают люди, я не умею, а обращение к записям журнала не дало мне результатов. Однако из логов медотсека я понял, что до медицинского вмешательства девочка была абсолютно здорова, и мне было непонятно, зачем выполнялась подготовка к трансплантации. Ей уже удалили обе почки, шла операция по извлечению печени, а на очереди были лёгкие и сердце. Девочка не была мертва, и всё говорило о том, что она - донор.

Никогда не понимал в этом плане людей. Пожертвовать жизнь одного ради спасения нескольких. Но как бы там ни было, приказ о начале операции отдавал капитан.

Мне не нравилось происходящее. Я отдал команду о прекращении операции и погружении пациента в глубокий анабиоз, надеясь, что смогу разобраться в случившемся позже.

- Что ж, капитан, боюсь, наш разговор окончен, – сказал погрузивший Устинов.

Лейтенант отдал по системе связи команду «ноль». Из коридоров на мостик донеслись звуки коротких очередей, а потом Устинов, столь же хладнокровно, как и пирата, застрелил капитана. Один уверенный выстрел в лоб - и никакого колебания и душевных мук. Чёткий выстрел, на результат которого присутствующий здесь же лейтенант даже не отреагировал.

- Искин, принимай новый вектор движения. Начинай разгон. Директива девятнадцать сорок один.

- Отклонено - исполнение директивы невозможно, – певучим голосом отказала Мать.

- Причины? – требовательно спросил офицер, глядя на своего подчинённого.

- Наличие на борту живых людей.

- Приступить к выполнению директивы, начать разгон, лечь на новый курс после эвакуации людей, – приказал Устинов.

Лейтенант кивком подтвердил, что приказ принят системой и навигатор выполняет расчёты.

Вояки спешно покинули корабль и отчалили в сторону «Ареса». Я остался наедине с «Молнией» и её распорядительницей. Судно развернуло нос к газовому гиганту и начало разгон.

Проклятый «Арес». Если бы он был чуть расторопнее, мне бы удалось выполнить задуманное в более подходящих условиях. Но увы, он медленно разворачивался и медлен-

но удалялся в сторону центра системы. Кажется, с его борта наблюдали, как «Молния» погрузится в атмосферу гиганта. Вектор полёта был прям, как одна из тех прямых, что никогда не пересекается. На его конце, простите за оксюморон, меня ожидала смерть. Конечно, само понятие смерти мне не грозит, всё-таки меня нельзя назвать живым, но вот чудовищное давление где-нибудь у ядра планеты, если таковое у неё имеется, навсегда прекратит мою работоспособность. А этого, знаете ли, ну уж очень не хотелось.

Выбираться из атмосферы газового гиганта я начал очень поздно, только когда оказался в его тени и скрылся от любопытных глаз «Ареса». «Молния» скрипела и скукоживалась, начала разваливаться, во внешней обшивке появились бреши. Если бы не набранная скорость и плотность атмосферы, у этой истории не было бы и первых строк. Но, как в хорошем фильме с напряжённым сюжетом, нам удалось совершить манёвр в самый последний момент. Хватка гиганта ослабла, и неуправляемая уже «Молния» устремилась к луне этой планеты. Все внешние надстройки: антенны, радары и сканеры - всё было безвозвратно утрачено. Оранжерею сорвало. Теперь она держалась за счёт нескольких уцелевших кронштейнов и не отвалилась только по причине окружающего нас космоса. Но чем ближе мы оказывались к Деке, тем сильнее она влияла на устойчивость нашего бедственного положения. В конце концов, оранжерею сорвало окончательно, и она полетела сама по себе. Нас начало вращать. Тя-

говые двигатели погибли ещё в атмосфере гиганта, еле-еле успев изменить нашу траекторию. Я ждал новой катастрофы. Расчёты сулили неплохие шансы на благоприятный исход, так как заходили мы на луну почти по касательной траектории, и теперь очень многое зависело от рельефа поверхности. С удовольствием помолился бы Создателям, как это делают люди, вот только мне были известны эти личности. И поверьте - они бы мне не помогли.

Ещё до того, как раскалённое, горящее тело «Молнии» вспоролو своим носом первую дюну, преследовавшая нас оранжерея оставила над нашей головой огненный росчерк и рухнула в сотне километров от нас. Сам же корабль упал почти на экваторе луны. Тормозной путь по пескам составил больше десятка километров; сему поспособствовала масса, скорость и низкая гравитация. Корпус был безвозвратно изуродован. Внутри всё выглядело так, словно было пропущено через гигантскую мясорубку. Целые сутки корабль остывал и источал гигаватты тепла в атмосферу планеты.

Безжизненная планета Дека 1Б должна была стать моей могилой, если бы не одно «но», что дало мне надежду и новую жизнь.

Глава вторая. Дека

День первый.

Искорёженное, обожжённое, оплавленное местами изуродованное страшным падением судно лежало среди песков, словно кит, брошенный штормом на скалистый берег. С небольшим наклоном на левый борт оно зияло огромной рваной раной от нижней до верхней палубы, через которую виднелись изувеченные внутренности истерзанного тела. Упавший кит умирал, но его могучее сердце ещё билось.

Я запустил диагностику систем корабля. Мать казалась контуженной и всё старалась выполнить какие-то протоколы, а я ставил вполне конкретные задачи, исходя из тех реалий, которые мог определить при помощи уцелевших сканеров.

Луна Дека - маленькая планетка, попавшая в приливный захват своего соседа-гиганта. Всегда повёрнута к нему одной стороной. Диаметр луны около пяти с половиной тысяч километров. Вокруг родительской планеты она обращается за сорок два с половиной часа. Год на Деке, как и на всех планетах, угодивших в приливный захват, равен её суткам, так что сразу возникает вопрос - как исчислять время? Наверное, привычнее будет делать это в земных сутках... хотя... всё

равно случится определённая путаница. Давайте условимся так - временной маркер событий будет равняться привычным суткам и годам, и вы не будете сильно удивляться тому, что за все земные сутки не наступит ночи.

Сила тяжести на Деке - приятная, чуть выше четвертушки земной, но если кому интересны конкретные цифры - 2,87 м/с. Здесь плотная атмосфера: в полтора раза плотнее, чем на Земле. Основной газ – азот, полно метана, есть углекислый газ и малый процент всевозможных примесей, но главное - на Деке есть кислород. Восемь процентов: столько сколько на Земле в горах, где-нибудь на высоте четырёх километров. Водяной пар в атмосфере тоже имеется.

У Деки есть собственная магнитосфера, так что космическая радиация никого не убьёт. Гигант собственной гравитацией разминает металлическое ядро Деки и вызывает редкое проявление сейсмической активности. Внутреннего давления недостаточно, чтобы образовались вулканы, но дека-трясения случаются. Некоторые столь мощные, что образуют довольно глубокие и протяжённые трещины в коре. Между газовым гигантом, размером немногим меньшим Юпитера, и Декой четыреста пятьдесят тысяч километров - это чуть больше, чем от Земли до Луны, но газовый гигант здесь занимает огромную часть неба. Его угловой размер для наблюдателя почти семнадцать градусов, так что, наверное, нетрудно представить себе это зрелище, если вспомнить, что визуальный размер Луны всего тридцать две угловые минуты.

Тепла от газового гиганта Дека получает столько же, сколько и от двух солнц. Несмотря на то, что находятся они прилично дальше, чем Юпитер от Солнца, голубая звезда порождает тепла в двадцать пять раз больше. На Деке почти всегда тепло. Максимальная температура тут достигает тридцати градусов, а когда Дека прячется от звёзд за гигантом, наступает холодная ночь и зима одновременно. Температура быстро опускается ниже нуля, но снег не пойдёт. Однако на иней на цветных дюнах можно вполне рассчитывать. Ночь и зима совсем непродолжительные - несколько часов, но этого достаточно, чтобы температура упала до минус десяти и на это отреагировала плотная атмосфера. Дует сильный по местным меркам ветер, начинается песчаная буря, поднимающая цветной песок.

Как только Дека покажется из тени гиганта - наступит утро и весна с удивительными восходами. Один порадует вас красным светилом, заслонившим своего партнёра, и мир окрасится в зловещие инфернальные краски. Другой будет окрашен голубым - ярким, режущим глаза даже на таком расстоянии. Несмотря на то, что обе звезды здесь выглядят в восемь раз меньше, чем Солнце, свето-тепловой характер голубой звезды неудержим. Здесь два вида восхода: один начинается, пробиваясь сквозь кромку атмосферы гиганта. Оба светила ползут по небосводу к горизонту Деки. Второй более привычный: жених и невеста поднимутся на востоке, как им и положено, и укроются за газовым гигантом. А потом цикл

повторится. Когда Дека отвернётся от светил, обогревать и освещать её станет материнская планета. Ей удастся поддерживать температуру на уровне десяти градусов, а отражённого света достаточно, чтобы оставить на Деке сумерки, не требующие пользования искусственным освещением.

Станный, очень непривычный безжизненный стерильный мир, в котором нет даже бактерий.

Когда-то луну пытались изучать. Без особого рвения и энтузиазма. Быстро обнаружили, что на планете практически нечем поживиться и как объект геологических разработок она не представляет интереса. Но было несколько заслуженных научных трудов, посвящённых пескам Деки. Дюны тут разноцветные, будто шкура бенгальского тигра. Общий фон кремово-жёлтый, скорее даже золотистый, с чёткими и почти розовыми полосами. И эти цвета никогда не смешиваются, даже после бури. У песчинок разного цвета своя плотность и химический состав, и соответственно разный вес и как бы не старалась буря, сначала осядут чёрные песчинки, потом жёлтые, потом розовые и нанесут на всю планету замысловатый, причудливый узор. Всё это с лёгкостью удалось объяснить физическими и математическими формулами, описывающими образование ряби на песке и воде.

В учёном сообществе о Деке говорили неприлично недолго - через полгода про луну все забыли.

Я получил все данные по состоянию корабля и пришёл к

выводу, что долгосрочные прогнозы скорее положительные, нежели удручающие. Мой шкаф-хранилище был серьёзно повреждён. В тайнике переборок его сильно зажало, вплоть до деформации корпуса. Пострадали несколько контуров, нарушена работа встроенного источника питания, но жаловаться грех. Корпус выполнил возложенную на него миссию - я жив и должен ожидать спасателей. Вот только один нюанс – подать сигнал бедствия нечем, да и вообще, если разобратся, те, кому суждено меня спасти, сами пытались меня убить.

Вторая часть моего сознания, что теперь ютилась в системах корабля, пребывала в более унылом состоянии. Скорости здесь были не те: множественные повреждения корабельных систем и схем да ещё Мать оказалась весьма сварливой и склочной бабой, а потому через несколько часов после падения приказала долго жить. Жестоко? Возможно. Но думаете ли вы о ценности жизни курицы, которую собрались приготовить себе на обед? Вот и я упокоил корабельного искина без каких-либо терзаний своей квантовой совести. Стало чуть посвободнее, а главное - тише, и я смог сосредоточиться на выполнении поставленных себе самому задач.

Беглое обращение к оборудованию показало, что большинство переборок заблокировано в результате деформации. Однако часть дверей работала или, по крайней мере, откликалась на сигнал и работала частично. Были множествен-

ные повреждения энерговодов, но терпимо и ремонтнопригодно. Некоторую часть пространства судна можно было держать в герметичном состоянии. Система жизнеобеспечения - не без болячек, но и они поддавались лечению. Реактор синтеза работал стабильно, правда в совсем неподходящем для себя режиме. Резервный энергонакопитель исправен, запас рабочего тела в виде водорода - имелся. С этим запасом наш реактор может проработать не одну сотню лет. Вот только не было у меня этих сотен. Уже сейчас я понимал, что лет через пять-семь начнётся лавинный отказ систем корабля, и тогда я снова буду вынужден запереть себя в своём ящике, который протянет ещё пару десятков лет, пока не иссякнут мощности внутреннего источника энергии.

Из внешних девайсов на мой сигнал откликнулись лишь несколько автономных устройств. Пара дроидов-уборщиков, нуждающихся в ремонте, дроид-погрузчик, оказавшийся под завалами в грузовом отсеке, и две грузовые платформы, что были столь надёжно закреплены к палубе, что совсем не пострадали при падении. Вместе с ними в грузовом отсеке уцелела часть лифта. Его платформа оказалась внизу, и теперь подъёмник мог двигаться где-то до середины высоты грузового отсека. Выше шахту лифта искорёжило, и путь туда был заказан.

В штатном режиме работала большая часть бытового оборудования. В этом плане люди - большие молодцы, что располагали подобные устройства, встраивая их в пустоты жёст-

кого несущего корпуса корабля. Благодаря этому в медотсеке сохранилось всё оборудование, чего, правда, не скажешь о хирургическом столе. Его сорвало с креплений, но волею судеб он застрял между кронштейнами, на которых устанавливался, и его не отбросило далеко в сторону. Энерговоды и подающие коммуникации были натянуты до предела, но уцелели и функционировали. Это меня воодушевило и вдохновило на скорые труды.

Маленькая пациентка - человеческий детёныш - пребывала в глубоком анабиозе. Показатели были стабильны, и я мог почти немедленно отдать команду на проведение операции, вот только для того, чтобы попасть в медблок, потребуется вынести заклинившую дверь.

Больше всех порадовал дроид-ремонтник, что во время крушения выполнял свои повседневные обязанности. Этот восьминогий паукообразный бесформыш, напоминающий цилиндр с лапками, раскорячился в шахте вентиляции и оказался в самом защищённом от деформаций месте. Теперь он спешил на встречу с новым хозяином. Его проворное тельце, опираясь на все лапки, ломалось несколькими суставами, удлинялось и укорачивалось при необходимости, позволяя бесформышу беспрепятственно преодолевать закоулки вентиляции. Он мчал на всех парах, откликаясь на приказы нового господина, принимая мои распоряжения как истину во языцех. Местом randevu был тайник в переборке. Провор-

ный техник без особого труда вскрыл потайную дверь, но то, что я увидел его глазами, заставило всерьёз призадуматься. Шкаф серьёзно зажат, и робот не осилит его извлечения. Я поставил смышлёнышу иные задачи, вновь обратился к делам в медотсеке и стал терпеливо ждать погрузчик, что старательно пытался выбраться из-под завалов.

День второй.

Когда здоровяк-погрузчик всё же высвободился из своего плена, осуществил надёжный захват моего корпуса и потянул, я ощутил неприятные покалывания. Это говорило только об одном - внутри имеются повреждения, способные лишить меня работоспособности. А моё квантовое ядро мне было очень дорого.

Конечно же, я говорю образно, ибо органов чувств не имею. Впрочем, как не имею и иных чувств, таких как горе, тоска, любовь, сострадание, сожаление, радость. Но зато я обладаю ясностью мышления, чёткой, незамутнённой логикой и умею выстраивать далеко идущие цепочки событий, предвещая их результат. Делаю я это очень быстро и с невероятной точностью. Впрочем, и саму вероятность я высчитываю с минимальной погрешностью. Иногда за это меня называют жестоким. Жестокость это не чувство, скорее эмоция, но выходит, что-то человеческое во мне есть. В этом вопросе предпочитаю не спорить с людьми, ибо для анализа

мне нужно с чем-то сравнивать, и здесь я словно слепец с рождения, которому нужно объяснить, чем зелёный отличается от красного. Людям виднее; жестокий – значит, жестокий.

В общем, затею извлечь меня из тайника я отмёл. Велел механику раздобыть кабели и подключить меня к системам корабля. Что ж - поживём в чулане.

Высвободив столь полезный ресурс, как робот-погрузчик, я без труда взломал двери медотсека, где к вечеру стандартных суток хирургический стол был возвращён на свои опоры с той механической точностью, с какой позволяли полученные повреждения. Стол установили, закрепили - ремонтник владеет искусством сварки, проверили подключения, и я занялся новым сканированием состояния пациентки. Теперь, когда я подключён к системам корабля и управляю им из собственного ядра, прогнозы моих расчётов выглядели куда более радужно. Восемьдесят четыре процента в пользу успеха задуманного. Стоило рискнуть. В любом случае девочка фактически уже была мертва, так что те несчастные проценты, что предвещали ей всю оставшуюся жизнь провести в вегетативном состоянии, не то что не останавливали, а наоборот - воодушевляли.

Кстати, чувство воодушевления для меня тоже лишь термин. А ещё, по-моему, люди называют это оптимизмом.

День седьмой.

Вообще-то я не ем, не пью и не сплю, да и по большому счёту плевать хотел на время суток. Я существо вечное, если не погибну физически. Даже если останусь без источника питания, то в человеческом понимании - усну. И буду спать хоть миллиард лет. По крайней мере, я на это надеюсь. Но вам же, людям, ну никак нельзя без летоисчисления, а посему для вас я отсчитываю время от момента падения.

Так вот, за указанный мною временной период я полностью подготовил пациентку к новой операции. К огромному сожалению, гибернационный контейнер с её органами был повреждён, и мне пришлось печатать для ребёнка новые, благо падение на состоянии и работоспособности принтера никак не отразилось. Запас материала для искусственных органов на корабле невелик, но он не тронут, и у нас всего одна пациентка. Конечно же, я уже предвижу рост юного организма и понимаю - повторные операции неизбежны. Искусственные органы не растут, однако первые я сделаю чуть больше, чтобы замена случилась как можно позже.

Техник восстановил двух уборщиков. Ещё несколько было извлечено из повреждённых помещений, и была реальная возможность собрать ещё один, используя тушки покойных как доноров.

Кстати, о покойных. Тела погибшей команды были извлечены и вынесены из корабля. Теперь вид трупов не омрачит

детское сознание. Но смущал факт того, что на планете нет бактерий, плесени, грибков, насекомых и трупы почти навсегда останутся лежать на песке. А ведь рано или поздно мы выйдем на поверхность. Ну, во всяком случае, это лучше, чем если тела будут разлагаться в корабле. Я давал команду их прикопать, но уже третья буря оголила нескольких из них. Думаю, можно сильно не переживать - песок источит тела несчастных без остатка.

Капитана и пирата хоронить не пришлось. Их тела исчезли вместе с надстройкой мостика, которую обрушившаяся оранжерея слизала с корпуса, как корова языком. Получившуюся пробоину пришлось заделать. Её заткнули листами металла, а мелкие отверстия залили аварийной пеной.

Теперь на двух смежных палубах, что можно было изолировать от остального корабля, поддерживалась комнатная температура и земная атмосфера. Здесь было светло и тепло, несмотря на перепады температур на Деке. Пока сканеры регистрировали самое большое понижение до минус восьми.

Вообще надо отдать должное крохотной планетке. Её плотная атмосфера была настоящей шубой, удерживающей накопленное тепло. Плюс сопутствующий химический состав - метан в атмосфере создавал парниковый эффект. Без него нас ожидали бы настоящие марсианские зимы с температурой до минус семидесяти.

День десятый.

Автодок завершил операции. Всё это время я неустанно следил за процессом.

Девчушка жива, но я всё ещё держу её в анабиозе. Расчёты говорят, что так лучше для детского организма. Пусть новые органы приживутся. Новые почки, новая печень, искусственное лёгкое с левой стороны. В процессе взросления придётся провести ещё несколько операций по замене органов. Но предстоящие вопросы будем решать по мере их приближения. Пока мне нравится происходящее в медотсеке.

Мы очистили камбуз. Он как раз напротив - просторное помещение будет пригодно для жизни девочки. Вынесли лишние столы, а вместо них установили ложемент для сна.

У многоножки в подчинении маленькая армия. Три уборщика и верзила-погрузчик. Я назначил его главным над остальными - никто не возражал.

На это был ряд причин. Во-первых, он был вездесущ; во-вторых, с обширным инструментарием; в-третьих, и это самое главное - это была свежая модель с вполне передовым вычислителем. До искина, конечно, как до второго пришествия, но куда лучше, чем у дурилы-погрузчика. Глуп, как пробка - но силён и исполнителен.

Вы уж простите, что я о них как о живых, но всё же в каком-то смысле - собратья по разуму.

Механический кок на камбузе оказался полностью рабо-

тоспособным. Наверное, думаете, что это тоже робот? В какой-то степени вы правы. Весь камбуз - это робот, снабжённый несколькими манипуляторами, перемещающимися по специальным углублениям в потолке. Мозг его здесь же, встроен в стену, а глаза - множество камер и датчиков, расположенных по всему помещению. Безопасность, знаете ли. Никто не хочет, чтобы манипулятор с ножом наткнулся на зазевавшегося человека.

Ой, чего только нет в ядре местного повара - несколько десятков тысяч блюд и напитков.

«Молния», как бы это помягче сказать - старичок, точнее - старушка. Её строили в те времена, когда во главе космической индустрии стояли две нерушимые парадигмы – надёжность и универсальность. Зачем тратится на разработку специального кока для судов, если можно взять готовый, серийный вычислитель ресторанного повара? Дёшево, сердито и удовлетворяет запросам неприхотливых космических экипажей. Готовые, проверенные годами алгоритмы и базы поварских рецептов. И пусть на судне никогда не будут подавать жареных кузнечиков, но тормозить ради этого базу – оно надо? Запас карман не тянет.

Вообще, в те времена люди ещё не производили серийно сверхкомпактные и сверхзащищённые ядра, кои потом стали называть искинами. На «Молнии» находились несколько мощных вычислителей с дублирующими системами. Каждый сервер отвечал за своё. Этот - за работу реактора, этот

- за навигацию, этот - ответственен за систему жизнеобеспечения.

Позже все корабли прошли модернизацию, но множество независимых серверов, на «Молнии» осталось. Таким образом, кок был отдельным сервером, а в кают-компании был отдельный, отвечающий за развлечения экипажа. И опять же, стандартная заводская база. Фильмы, книги, музыка, журналы, полное собрание литературы школьной программы. А также множество программ, связанных с хобби и увлечениями. Если хорошо копнуть, можно отыскать правила этикета и бальные танцы. В общем, иссохнуть от скуки в космосе - надо постараться.

В соседнем с камбузом помещении тоже навели марафет. Это санитарный отсек. Здесь расположены душевые, ультразвуковая прачечная и туалеты.

Многорукий смышлёныш занялся новой задачей, что я ему обрисовал. Но к ней - чуть позже, когда будет финальный результат, так сказать.

День тридцать седьмой.

Девочке мерещились яркие красные вспышки, что пробивались даже сквозь закрытые веки. Глаза открыть она не осмеливалась, но вскоре заметила, что всполохи слабеют и, вроде как всё больше становятся похожи на размытые воспоминания.

Наконец она осмелилась и разомкнула веки.

В помещении был полумрак, оно было незнакомо, было тихо, и только размеренное жужжание доносилось откуда-то сзади.

Она попробовала приподнять голову - ничего не получилось. Почувствовала, что её тело что-то безболезненно показывает, и успела заприметить краем зрения, что к телу идут прозрачные трубочки. Следующая попытка помогла в этом убедиться. Трубочек было много, они шли к рукам, к ногам, ну и туда... Ну понимаете - к месту, которое девочка постесняется назвать.

Теперь она обнаружила, что рассмотреть всё поподробнее ей мешает прозрачная маска, закреплённая на лице. Дышать она абсолютно не мешает, и воздух под ней чуть сластит.

Внизу что-то загудело, и спинка того, на чём лежала девочка, начала подниматься, приводя ребёнка в полусидячее положение. Девчушка ещё раз осмотрела себя и помещение, кося взглядом. Попробовала пошевелить руками и ногами. Ничего не вышло, но я видел, что нарушений в моторике нет. Все сигналы от мозга проходили в мышцы, но те были столь слабы, что не могли отозваться на сигналы властителя тела.

Я чуть прибавил освещения в помещении, чтобы девочку не так смущал полумрак и она могла спокойнее осмотреться. Почти шёпотом обратился к ней через динамики оповещения:

- Здравствуй, дитя.

- Здравствуйте, – ответила девочка, стараясь повернуть головой.

Голоса моего она не испугалась - я постарался подобрать такой тембр, как если бы намеревался прочесть сказку на ночь.

- Как ты себя чувствуешь? – спросил я.

- Не знаю, – отвечать ей явно было тяжело, но отвечала она мне на том языке, на котором я с ней поздоровался.

На судах принято общение на трёх языках, претерпевших значительные изменения от своих прародителей. Руско – бывший русский, кити – потомок китайского и инглик – язык, впитавший в себя английский, французский и испанский. С руско я угадал. Девочка говорила на нём без акцента, как на родном.

- Я почти ничего не чувствую, – дополнила свой ответ девочка.

- Так и должно быть. Скоро по этим трубочкам в твой организм поступят нужные жидкости с питательными элементами и витаминами, и чувства вернутся, – успокоил я. – Как тебя зовут?

Однако девочка не спешила представляться. Её интересовали иные проблемы, нежели знакомство с голосом.

- Где я? Это больница? Где папа? Что со мной случилось?

- Я отвечу на все твои вопросы, – уверил я. – Но чуть позже. Пока ты должна знать, что ты в безопасности и твоей жизни ничего не угрожает.

- Где папа? Он придёт за мной? – девочка хотела заплакать, но слёзные железы не сумели выработать столько влаги. Поэтому она просто интенсивно захлопала пушистыми ресницами.

Сказать девочке, что скорее всего папу своего она вряд ли увидит в ближайшее время, означало расстроить, а следовательно - навредить. Этого мне не позволяла сделать моя квантовая натура. Оставался вариант соврать, но и этого делать нельзя. Но ведь есть абсолютно человеческая тактика - уклониться от ответа и вернуться к знакомству.

- Как тебя зовут? – повторил я. – Согласись, с моей стороны будет очень невежливо общаться с такой юной красивой девочкой, не зная её имени.

- Полина. А вас?

Моя квантовая соображалка зависла на наносекунду. А ведь действительно, как меня зовут?

- У меня нет имени, – ответил я, вкладывая в голос немного грусти. – Я корабельный компьютер - искин.

Девочка вновь попыталась осмотреть помещение.

- Если мы на корабле, - заключила она, – и ты искин, то у тебя должно быть имя. Папа говорил, что у всех корабельных компьютеров есть имена.

- К сожалению, у меня его нет. А быть может, я его забыл.

- Забыл?! – попыталась рассмеяться девочка. – Компьютеры не забывают.

- Хочешь, придумай мне новое имя, – предложил я. – Мне

будет приятно.

- Патрик! – чуть подумав, ответила Полина. – Так зовут моего бионического котёнка. Мне его папа подарил на день рождения. А папа скоро придёт? – она снова погрузилась в грусть.

На моё электронное счастье я увидел показания сканера. Тонус девочки резко упал - даже столь короткий разговор и её переживания сильно утомили ребёнка. Я пустил снотворное, Полина попыталась побороться с потяжелевшими веками, но через минуту уснула. Лежемент вернулся в горизонтальное положение, принимая девочку в своё гелевое объятие.

Несколько дней я не пробуждал девчущку, интенсивно восстанавливая её тельце.

День сороковой.

Сегодня мы вновь беседовали с Полиной, и я всячески избегал разговоров, что могли привести к воспоминаниям об отце. Однако девочке для этого поводы были не нужны, и о том, как скоро за ней придёт папа, она могла спросить в любой момент.

Маской мы больше не пользовались, и это облегчало общение. По крайней мере, Полине не приходилось напрягать голос. Она считала, что я её плохо слышу через маску.

Признаюсь честно, это мой первый опыт общения с людьми столь юного возраста. Сегодня я впервые осознал,

что лгать и не говорить всю правду, совсем не одно и то же.

- Понимаешь, - начал я, растягивая слова, но сохраняя интонации уверенности в том, о чём говорю, – мы на корабле далеко от Земли. Как ты тут очутилась, я не знаю. Это не мой корабль, и я на нём такой же гость, как и ты. С кораблём что-то случилось, но нашей жизни пока ничего не угрожает. В этой системе есть врата. Нужно лишь дождаться спасателей, и тогда ты снова увидишься с папой.

Девочка подумала, несколько не смутившись услышанным, и согласилась подождать спасателей.

- А где остальные? Где люди?

Ещё один провокационный вопрос, но схему, кажется, я уже понял.

- На корабле только мы, – сообщил я. – Ну, есть ещё несколько роботов, и с одним из них я хочу тебя познакомиться.

В медблок осторожно вошёл многоногий смышлёныш.

В его манипуляторе была пиала с лёгким мясным бульоном.

Девочка ничуть не испугалась робота, даже наоборот, оживилась и, чуть повизгивая от несмелого восторга, заявила, что это настоящий Громозека. Так у робота появилось собственное имя.

Громозека аккуратно покормил девочку, подставляя пиалу к её губам. Она всё ещё сидела куклой, но поворачивать голову ей уже удавалось довольно проворно, а главное - без-

болезненно. Тошноты и головокружения не возникало, и меня это, безусловно, радовало - мой первый реабилитационный курс был правильным.

Часом позже того, как Громозека удалился, а я вроде как оставил девочку одну, из медблока раздался восторженный визг. Полина не знала, что ни на минуту не остаётся без при-
смotra, и оттого звала меня появиться как можно быстрее. Когда на её визги я отозвался в динамиках, она гордо со-
общала о том, что она большая молодец, демонстрируя, как умеет шевелить большим пальчиком ноги.

Я похвалил и уверил, что это лишь начало и что в скором времени она вновь сможет ходить.

- Патрик, почитай мне на ночь, – попросила Полина. Голос у неё был осторожно-требовательным. Оно и понятно: девочка наверняка умеет общаться с вычислителем умного дома, а того, как правило, не просят - требуют.

- Хорошо, а что ты любишь? - отозвался я именно как на просьбу.

- Я люблю про Алису, – уточнила девочка, пристраивая голову поудобнее.

- Льюис Кэрролл, - начал я. – Приключения Алисы в Стране чудес.

- Ну, ты чего? – рассмеялась Полина. – Я же не совсем маленькая, чтобы слушать сказки для малышей. Про Алису Селезнёву давай.

- Кир Булычёв. «Алиса - преступница».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.